

**А. А. ТИТОВ**

**Записки Станислава Немоевского  
(1606-1608)**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
А11

А11 **А. А. Титов**  
Записки Станислава Немоевского: (1606-1608) / А. А. Титов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 315 с.

**ISBN 978-5-518-03473-0**

**ISBN 978-5-518-03473-0**

© Издание на русском языке, оформление  
«УОУО Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ПРЕДИСЛОВІЕ.

---

Послѣ обстоятельнаго вступленія къ Запискамъ Станислава Немоевскаго, сдѣланнаго ихъ издателемъ А. Гиршбергъ, намъ остается сказать очень не много.

Какъ у Немоевскаго, такъ и въ напечатанной нами рукописи, — въ подлинникѣ хранящейся въ Краковскомъ музеѣ Чарторыйскаго, подъ № 1369, вмѣстѣ съ дневникомъ Мартына Стадницкаго <sup>1)</sup>, гофмейстера царицы Марины и сотоварища Немоевскаго, — вопросъ о томъ, кто былъ царь Димитрій — очень мало выясняется. Въ предисловіи къ Краковской рукописи <sup>2)</sup> говорится: „При царевичѣ Димитріи находился врачъ-итальянецъ, который, узнавъ объ измѣнѣ, постарался воспрепятствовать коварнымъ замысламъ Бориса: онъ взялъ въ комнаты къ царевичу другаго, похожаго на него мальчика, которому приказалъ постоянно находиться съ царевичемъ, даже спать на одной съ нимъ кровати; и какъ только мальчикъ этотъ засыпалъ, врачъ переносилъ царевича Димитрія на другую кровать и въ другую комнату, никому не говоря объ этомъ. Такъ поступалъ онъ долгое время. Когда же измѣнники, посланные Борисомъ, должны были исполнить свое предпріятіе, они ворвались въ комнату, гдѣ по ихъ мнѣнію спалъ царевичъ, и убили того мальчика вмѣсто царевича Димитрія, а трупъ унесли. Въ Угличѣ поднялось смятеніе по поводу убіенія царевича и сейчасъ же послали въ погоню за измѣнниками, при чемъ нѣкоторыхъ убили, а трупъ у нихъ отняли. Врачъ-итальянецъ послѣ этого случая убѣдился въ могуществомъ Бориса. Видя, что царевичу Димитрію не избѣжать измѣннической смерти и не надѣ-

---

<sup>1)</sup> Исторія Димитрія, царя московскаго и Марины Мнишекъ, дочери сендомірскаго воеводы. Русскій Архивъ 1906 г.

<sup>2)</sup> Ibid.

ясь на защиту отъ царя, онъ взялъ Димитрія, ушелъ съ нимъ къ Ледовитому морю и воспитывалъ его тамъ, какъ своего слугу, до самой своей смерти. Видя же приближеніе смерти, врачъ этотъ посовѣтовалъ Димитрію, никому не говоря о своемъ происхожденіи, сдѣлаться чернецомъ до времени достиженія болѣе зрѣлыхъ лѣтъ. Димитрій поступилъ согласно совѣту врача-итальянца и сталъ жить по монастырямъ. Борисъ же, желая скрыть убійство Димитрія, умертвилъ подосланныхъ убійцъ, а царя обманулъ, сказавъ, что царевичъ Димитрій умеръ въ сильномъ припадкѣ падучей болѣзни, самъ наткнувшись на ножъ. Когда же царь Ѳеодоръ пожелалъ привезти останки Димитрія, чтобы по-царски погребсти ихъ, Борисъ воспрепятствовалъ этому намѣренію царя, увѣряя, что въ Угличскомъ княжествѣ появилась заразная болѣзнь. Такъ его тамъ же и схоронили. Вскорѣ Борисъ отравилъ и самого царя и овладѣлъ всѣмъ государствомъ.

„Когда царевичъ Димитрій, живя чернецомъ въ одномъ изъ сѣверныхъ монастырей, достигъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, онъ отправился въ другой монастырь, ближе къ столицѣ, потомъ въ третій, еще поближе; наконецъ, пришелъ въ самую столицу и сталъ даже бывать въ комнатахъ у Бориса. Но, опасаясь за свою жизнь въ томъ случаѣ, если его узнаютъ, онъ отправился въ сторону, къ Польшѣ. Скитаясь возлѣ Кіева, онъ присталъ гдѣ-то къ какому-то шляхтичу Гойскому; долгое время училъ у него дѣтей, затѣмъ пошелъ въ Брагинъ, мѣстечко, принадлежавшее князю Адаму Вишневецкому, гдѣ потомъ и открылъ себя впервые гуменному (такъ зовутъ старшаго надъ чернецами), а гуменный рассказалъ о немъ князю Адаму.

„Итакъ, въ то время, когда Борисъ Годуновъ — полагая, что можетъ спокойно владѣть захваченнымъ Московскимъ государствомъ — вполнѣ наслаждается счастьемъ, не опасаясь никакой власти, которая могла бы свергнуть его съ престола, вдругъ встаетъ изъ могилы погребенный Димитрій, кровью котораго Борисъ обагрилъ свою порфиру, чтобы властвовать.

„Но этотъ Димитрій оказался поддѣльный, обманщикъ и плутъ, не тотъ, отцомъ котораго былъ царь Иванъ Васильевичъ. Онъ смѣло выдавалъ себя за царевича, такъ какъ въ обманѣ ему помогала красота, величавость, сходство лица съ убиеннымъ царевичемъ и, кромѣ того, нѣкоторые знаки на тѣлѣ, подобно, какъ у царевича; рѣшительность въ рѣчахъ, важность въ походкѣ и княжеское

достоинство въ движеніяхъ. Вотъ этотъ-то Димитрій, благодаря такой княжеской внѣшности, выдавалъ себя передъ княземъ Адамомъ Вишневецкимъ за царевича и преемника наслѣдственнаго отцова и братнина престола, своевольно захваченнаго Борисомъ; самъ же онъ спасся отъ смерти, благодаря заботамъ и попеченію своего врача. Онъ подтверждалъ также подлинность своего рожденія, обнажая руку, на которой было изображеніе московскаго орла, и показывалъ алмазный крестъ, надѣтый на него при крещеніи (Москва же утверждала, что изображеніе орла на тѣлѣ Димитрія служило доказательствомъ перенесеннаго имъ наказанія батогами и кнутомъ).

„Вслѣдствіе столь очевидныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ, князь Адамъ призналъ въ его лицѣ истиннаго царевича Димитрія и наслѣдника Московскаго государства. Облачивъ Димитрія въ княжескія одежды, онъ отправилъ его къ князю Константину Вишневецкому, а князь Конст. Вишневецкій привезъ его къ Юрію Мнишку, сендомірскому воеводѣ; воевода же въ 1604 г. представилъ Димитрія королю Сигизмунду III, который ему оказалъ царскій приѣмъ. Онъ, въ свою очередь, присвоилъ себѣ царскіе обычаи и важность для достиженія Московскаго престола.

„Чтобы привести въ исполненіе свои замыслы, Димитрій заключаетъ договоръ съ сендомірскимъ воеводой, обладавшимъ значительными средствами, обязуясь взять его дочь себѣ въ супруги и соправительницы Московской державы, если воевода совѣтами, деньгами, оружіемъ и людьми поможетъ ему вступить на наслѣдственный престолъ. Воевода принялъ эти предложенія Димитрія и далъ ему шесть тысячъ воиновъ. Воеводѣ пришли на помощь и его родственники, выставивъ отряды новобранцевъ на подмогу и къ услугамъ Димитрія, какъ наслѣдника Московскаго престола.

„Димитрій внезапно врывается съ польскими воинами въ предѣлы Московскаго государства, объявляетъ московскимъ думнымъ боярамъ, что онъ избавился отъ смерти, благодаря особой милости Всемогущаго Провидѣнія и до сихъ поръ для безопасности скрывался; освѣдомляетъ все государство о томъ, что Димитрій, истинный наслѣдникъ престола и Московской монархіи, живъ, что онъ идетъ съ войскомъ избавить и освободить свой народъ отъ тираніи притѣснителя и наглаго самозванца, убійцы царской семьи—Бориса Годунова; итакъ, пусть вѣрный народъ приметъ своего наслѣдника, пусть сплотится и прильнетъ къ мило-

стивому царю и дружно поможет погубить тирана государства, убійцу царской семьи, самозванца Бориса.

„Когда распространилась такая молва о Димитріи, Москва повѣрила. Пограничные города и крѣпости сдавались Димитрію, отчасти изъ боязни, отчасти по доброй волѣ. Россія собиралась по частямъ бить челомъ своему новому царю. Уже и въ столицѣ тайныя сборища людей признавали Димитрія истиннымъ царемъ.

„Царь Борисъ, встревоженный столь внезапнымъ мятежемъ, тотчасъ же высылаетъ своего родного брата, Ивана Годунова, съ войскомъ въ 60,000 противъ возставшаго изъ мертвыхъ Димитрія, даетъ ему въ совѣтники Василю Мстиславскаго и Ивана Шуйскаго, думныхъ бояръ. Идетъ князь Иванъ на врага, встрѣчается съ Димитріемъ. Противники сталкиваются; нѣсколько тысячъ поляковъ даютъ храбрый отпоръ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ москвичей. Тысяча копьеносцевъ или гусаръ атакуетъ непріятеля, оставляя большіе пробѣлы во вражьихъ войскахъ и гнетъ ихъ, при чемъ польская пѣхота неустанно помогаетъ огнемъ выстрѣловъ. Легкая конница приходитъ въ помощь саблями, устилая трупами русскія поля. Согнавъ непріятеля съ позиціи и вознесши побѣдоносные знамена и знаки, они идутъ дальше, къ столицѣ.

„Когда военное счастье улыбнулось Димитрію, русскій народъ воздалъ хвалу неисповѣдимымъ путямъ Господа и 16 іюня 1605 г. Димитрій признанъ московскимъ царемъ.

„Къ тому же смерть царя Бориса облегчила Димитрію вступленіе на престолъ: ибо, узнавъ о пораженіи своего войска, о побѣдѣ Димитрія надъ нимъ и о признаніи Москвою Димитрія наслѣдникомъ престола, Борисъ впалъ въ сильную задумчивость и на третій день скончался въ припадкѣ падучей. Но иные утверждаютъ, что онъ умеръ отъ яда, поднесеннаго ему приверженцами Димитрія. Послѣ смерти Бориса войско и весь обозъ перешли на сторону Димитрія.

„Петрило Басманъ, думный дьякъ и великій воинъ, съ пятью полками направился къ Димитрію. А когда Димитрій подошелъ къ столицѣ, изъ города навстрѣчу ему вышли именитѣйшіе князья: Мстиславскіе, Шуйскіе, Голицыны и присягнули ему, какъ вѣрные подданные; тоже сдѣлало и московское войско. Выразивъ свои вѣрноподданическія чувства, они привѣтствовали Димитрія какъ великаго князя и царя московскаго и торжественно ввели его въ городъ. Когда же князья Шуйскіе тайно составили за-

говоръ противъ Димитрія, то чернь московская, стоя за Димитрія, отдала во власть царя Димитрія скованныхъ князей Шуйскихъ, которыхъ царь помиловалъ, благодаря ходатайству польскихъ вельможъ. Друзей же и родственниковъ покойнаго царя Бориса чернь вырѣзала и убила; женѣ Бориса разбили затылокъ, сына его и брата убили. Печальный конецъ семьи Бориса долженъ служить примѣромъ того, что государство, измѣннически захваченное у наслѣдниковъ, недолго можетъ утѣшать измѣнниковъ“.

Въ перепискѣ Льва Сапѣги съ Христофоромъ Радзивиломъ <sup>1)</sup> находится письмо А. Сапѣги отъ 15 февраля 1598 г. <sup>2)</sup>, въ которомъ онъ пишетъ: „Я уже снарядилъ было со своимъ письмомъ гонца къ его величеству и къ вашему сіятельству съ тѣми новостями, которыя узналъ, т. е. что будто бы они между собой умертвили Годунова, а великимъ княземъ избрали Ѳедора Романовича Никитича, какъ тутъ вернулся шпионъ, котораго я послалъ за границу. Тотъ доложилъ мнѣ слѣдующее: когда Годуновъ увидѣлъ, что великій князь московскій не можетъ быть живъ, онъ пришелъ къ нему, при этомъ была и сама княгиня и Ѳедоръ Романовичъ, и сталъ его съ плачемъ спрашивать и просить, чтобы онъ объявилъ, кого считаетъ достойнымъ избранія послѣ своей смерти на великокняжескій столъ, надѣясь, что онъ укажетъ на него. На что тотъ отвѣтилъ ему, что ты не можешь быть великимъ княземъ, развѣ только если тебя выберутъ по общему соглашенію, но сомнѣваюсь, чтобы тебя избрали, по той причинѣ, что ты происходишь отъ подлаго народа, при чемъ указалъ на Ѳедора Романовича, предполагая, что скорѣе выберутъ его. А такъ какъ великая московская княгиня говорятъ беременна, если у нея родится сынъ, велѣлъ, чтобы знатнѣйшіе воеводы воспитывали подъ присягой, а пока сынъ возмужаетъ, чтобы тотъ же Ѳедоръ Романовичъ былъ губернаторомъ, а Ѳедора Романовича будто бы увѣщевалъ, если его выберутъ великимъ княземъ, чтобы онъ не оставлялъ Годунова и постоянно держалъ бы его при себѣ, какъ и онъ, и безъ его совѣта ничего не дѣлалъ, убѣждая его, что Годуновъ умнѣе. Послѣ смерти великаго князя Годуновъ будто бы держалъ при себѣ своего друга, во всемъ очень похожаго на покойнаго князя Димитрія, брата великаго князя московскаго, который родился отъ

<sup>1)</sup> Pzochaska A. Archivum domus Sapiehanae, m. 1.

<sup>2)</sup> Ibid. № 224.

пятигорки, котораго давно нѣтъ въ живыхъ. Написавъ письмо отъ имени этого князя Димитрія въ Смоленскъ, что онъ уже сталъ великимъ княземъ, Москва стала удивляться, откуда онъ взялся, однако они догадались, что его до сихъ поръ скрывали. Пока это донесли думнымъ воеводамъ и боярамъ, они тотчасъ же стали промежъ себя разспрашивать. И сказалъ одинъ бояринъ и воевода, нѣкто Нагой, что князя Димитрія нѣтъ въ живыхъ, сосѣдъ мой, цивунъ астраханскій, Михайло Битяговскій знаетъ объ этомъ; за нимъ тотчасъ же вскачь послали; какъ только онъ пріѣхалъ, его посадили на испытаніе, чтобы онъ сказалъ, живъ ли князь Димитрій или нѣтъ. Онъ, будучи на испытаніи, признался, что самъ умертвилъ, по порученію Годунова, а Годуновъ хотѣлъ выдать за князя Димитрія своего друга, похожаго на него. А такъ какъ его самого не хотятъ избрать въ великіе князья, то того избрали великимъ княземъ, а того цивуня астраханскаго велѣли четвертовать, а Годунова стали упрекать, что онъ измѣнникъ своимъ государямъ, князя Димитрія измѣннически убилъ, а онъ теперь необходимъ, и великаго князя отравилъ, желая самому стать великимъ княземъ, а въ этомъ замѣшательствѣ и придирикахъ князь Ѳедоръ Романовичъ подбѣждалъ къ Годунову съ ножомъ, желая его убить, но остальные удержали его. О Годуновѣ говорятъ, что послѣ этого замѣшательства въ совѣтъ не бываетъ вмѣстѣ съ другими, а у него есть свой дворъ въ томъ же дворцѣ, кремлѣ, куда съѣзжаются на совѣтъ; въ этомъ же своемъ дворѣ онъ соблюдаетъ большія предосторожности вмѣстѣ со своими приверженцами. Шуйскій, будучи шуриномъ Годунова, миритъ его съ остальными, убѣждая ихъ чтобы они безъ него ничего не дѣлали и великаго князя не избирали. Они дѣйствительно соглашаются и думаютъ скоро избрать великаго князя, но ни на кого не указываютъ, только на князя Ѳедора Романовича; всѣ воеводы и думные бояре согласны избрать его, ибо онъ родственникъ великаго князя. За Годунова же стоятъ меньшіе бояре и стрѣльцы, ибо онъ хорошо платилъ имъ, и чернь, но имъ лишь то мѣшаетъ, что онъ происходитъ отъ подлаго народа. Поэтому говорятъ, будто бы великій князь передъ смертю сказалъ: если они не могутъ единогласно избрать великаго князя, то, избравъ двоихъ или троихъ выборныхъ, пусть пошлютъ къ его величеству христіанскому императору, а кого онъ укажетъ, пусть они того и изберутъ государемъ. Иные что-то шеп-

чуть объ эрцгерцогѣ Максимиліанѣ, одинъ бояринъ при этомъ шпионѣ говорилъ, что гонца хотятъ посылать къ его величеству императору, только опасаются, что его величество король не пропуститъ его черезъ свои владѣнія. Моремъ бы кругомъ давно послали, да зимой трудно проѣхать. Доношу также вашему сіятельству, что въ Смоленскъ пріѣхали на этой недѣлѣ 4 воеводы и съ ними немного народу: старшій воевода и намѣстникъ смоленскій, князь Тимоѣей Романовичъ Трубецкой, а остальные при немъ: князь Михайло Сампсоновичъ Туренинъ и два брата: князь Василій и князь Андрей Звенигородскіе; теперь всѣхъ воеводъ шесть. Прежде старшимъ былъ Василій Васильевичъ Голицынъ, а теперь на его мѣсто старшимъ Трубецкой. А Голицына назначили, какъ они по своему называютъ, выѣздымъ воеводой, который выѣзжаетъ изъ замка на встрѣчу неприятелю. Говорятъ, что этотъ Голицынъ каждую ночь, какъ только начнетъ смеркаться, съ тремя сотнями всадниковъ ѣздитъ сторожить отъ Смоленска на разстояніи четырехъ миль на урочище надъ рѣкой Ухиной, а на зарѣ выѣзжаетъ въ замокъ, оставивъ на стражѣ нѣсколько десятковъ всадниковъ. Трубецкой завѣдуетъ всѣмъ въ замкѣ; остальные трое, лишь только начнетъ смеркаться, верхомъ объѣзжаютъ замокъ, спрашивая: „есть ли пріѣзжіи народъ и стрѣльцы?“ Тогда ему другой отвѣчаетъ: „есть“. Казаковъ ѣздитъ семьсотъ съ этими воеводами по замку, стрѣльцовъ съ зажженными фитилями три тысячи; всѣ они каждую ночь не засыпаютъ ни на мгновение, одни въ замкѣ, другіе возлѣ замка ходятъ, опасаясь вторженія со стороны владѣній его королевскаго величества, и также усердно соблюдая, чтобы ни одно значительное лицо не проѣхало отъ нихъ къ его величеству королю; бояръ тоже не мало есть, имъ приказано разъѣзжать по мѣстечкамъ, монастырямъ и селамъ, и переписывать чернецовъ, поповъ и простолудиновъ, чтобы, когда великій князь будетъ избранъ, когдаго привлечъ къ присягѣ въ своемъ приходѣ, за при- ставомъ, новому великому князю. Я посылалъ также своего слугу съ письмомъ къ смоленскому воеводѣ, желая узнать что-либо достовѣрное и по письму догадаться, отъ чьего имени онъ будетъ писать—отъ имени ли покойнаго великаго князя или же отъ имени новоизбраннаго; но онъ на мое письмо ничего не отвѣтилъ, а моего гонца и лошадей не накормили; поэтому я догадываюсь, что великаго князя еще не избрали: тотъ умеръ, а новаго еще

не избрали, и онъ ни отъ чьего имени не могъ написать. Потому еще догадываюсь, что великаго князя не избрали, что во время обѣдни въ церквахъ не молятся за великаго князя, а только за великую княгиню и царицу и сына. Но я опять пошлю письмо. Какъ я уже раньше сообщалъ его величеству королю и вашему сіятельству, такъ и теперь сообщаю, что матеріалъ съ большой поспѣшностью привозятъ въ замокъ, такъ что на улицахъ нельзя пройти; на поляхъ вырываютъ большіе и малые камни. Еще говорятъ, что татары нѣсколько тысячъ возовъ бѣлаго тесанаго камня привезли въ смоленскій замокъ, и еще ожидаютъ больше его. Воеводы ждутъ еще больше народа. Нашихъ купцовъ дальше изъ Смоленска не пускаютъ; а тѣхъ изъ нашихъ купцовъ, что въ самой Москвѣ, которыхъ застала тамъ смерть великаго князя, тѣхъ держатъ въ гостинномъ домѣ подъ сильной стражей и охраной и, говорятъ, выпустятъ ихъ только тогда, когда изберутъ великаго князя. Затѣмъ вторично свидѣтельствую и пр. Въ Оршѣ 15 февраля (15)98 г.

„Нижайшій слуга вашего сіятельства Андрей Сапѣга, оршанскій староста, собственноручно“. Къ этому приписка: „Когда я уже написалъ это письмо къ вашему сіятельству, пріѣхалъ москвичъ, купецъ изъ Смоленска. Я напоилъ его, одарилъ и велѣлъ спросить, что у нихъ тамъ происходило. Онъ почти во всемъ говорилъ согласно съ моимъ шпиономъ: что замѣшательство было между ними, но Годуновъ живъ; великаго князя, тоже говоритъ, еще не избрали, надѣются, что выберутъ его на сороковины, т. е. на сороковой день послѣ смерти великаго князя, и утверждаетъ, что Годуновъ великаго князя отравилъ, желая самъ стать великимъ княземъ. Говоритъ также, что на его сторонѣ нѣкоторые думные бояре и воеводы, а стрѣльцы всѣ за него стоятъ и чернь почти вся. За Федора Романовича Никитича стоитъ уже большая часть воеводъ и думныхъ бояръ. О великой княгинѣ московской этотъ москвичъ говоритъ, что она не беременна, ибо на четвертый день послѣ смерти великаго князя постриглась въ дѣвичій монастырь; если бъ она была беременна, то въ монастырь ей можно было бы уйти только послѣ родовъ. И шпионъ мой тоже двойко слышалъ: одни говорятъ беременна, другіе — нѣтъ. Онъ увѣряетъ, что похороны великаго князя еще не состоялись, а состоятся только когда выйдутъ эти сороковины. А что будетъ новаго о томъ не премину сообщитъ вашему сіятельству“.

Въ своихъ Запискахъ С. Немоевскій характеризуетъ Димитрія, какъ лишеннаго школьнаго знанія и только умѣющаго читать по-русски и по-польски. Затѣмъ добавляетъ, что жизни онъ былъ умѣренной, кромѣ нарушенія седьмой заповѣди, пьянства гнушался. Былъ краснорѣчивъ отъ природы и охотно много говорилъ, легко выслушивалъ cadaго, хотѣлъ быть законодателемъ, дать нѣкоторые права и образованіе народу, былъ великодушный и чувствительный, спалъ очень мало. Къ военному дѣлу имѣлъ большую любовь и разговоръ о ратныхъ дѣлахъ былъ для него самымъ пріятнымъ. Любилъ храбрцовъ и желалъ быть соперникомъ каждому полководцу. Былъ убитъ на 24 году своей жизни.

О доблестяхъ Димитрія и кромѣ Немоевскаго осталось не мало сказаній современниковъ, пользуясь которыми и историкъ Карамзинъ, вообще далеко не расположенный къ Димитрію,—послѣ описанія его блестящихъ битвъ подъ Новгородъ-Сѣверскимъ и Добрыничами,—долженъ былъ признать, что онъ „какъ истинный витязь оказалъ смѣлность необыкновенную“... Эти же сказанія современниковъ обрисовываютъ и другія симпатичныя стороны Димитрія и подрываютъ справедливость Ростовской лѣтописи, гдѣ подъ 7110 годомъ (время управления Ростовской епархіей митрополитомъ Іоной II) внесено:... „той Іона, въ царство Бориса Годунова, на Москвѣ, у святѣйшаго патріарха Іова <sup>1)</sup> видѣлъ живуща діакона потаеннаго вора Гришку Отрепьева, изъ Чудова монастыря въ домъ патріаршескій взята, и пророчески о немъ святѣйшему патріарху возвести—яко сей чернецъ дьяволу сосудъ будетъ. Патріархъ же тому не внимаше. Преосвященный же сей митрополитъ ростовскій Іона, по малѣмъ времени, и самому царю Борису сказа—яко чернецъ той самому сатанѣ сосудъ будетъ“.

Кажется, и большинство духовенства несомнѣвалось въ томъ, что Димитрій былъ никто иной, какъ разстрига Гришка Отрепьевъ. Подтверженіемъ этого можетъ служить вновь открытое академикомъ А. И. Соболевскимъ <sup>2)</sup> послѣсловіе къ церковному уставу XVI вѣка, писанное безмѣстнымъ московскимъ попомъ Константиномъ, занимавшимся, ради пропитанія, перепиской церковныхъ книгъ.

<sup>1)</sup> До патріаршества Іовъ былъ ростовскимъ митрополитомъ 1586—1587 г.

<sup>2)</sup> Москва и первый самозванецъ. Спб. 1906.

Въ этомъ, довольно большомъ, послѣсловіи попъ Константинъ, между прочимъ, сообщаетъ, что книга была начата перепиской 3 сентября 1605 г., а окончена 28 апрѣля 1606 г. (т. е. за 19 дней до убійства Димитрія) „въ славномъ и преименитомъ и царствующемъ градѣ Москвѣ, въ царствованіе Гришки Отрепьева, именуема разстрига, и при великомъ господинѣ Игнатіи, патріархѣ московскомъ и всея Россіи, тому бо тогда на высококомъ сѣдальнѣмъ степеніи стоящу и правящу престолъ соборныя, вселенскія, пречестныя апостольскія церкви“.

Конечно, это послѣсловіе могло быть написано и не въ одинъ день съ послѣдними строками устава. Можно предполагать, что попъ Константинъ, окончивши переписку устава 28 апрѣля, свое послѣсловіе сдѣлалъ нѣсколько позднѣе окончанія своей работы. Слишкомъ уже много нужно было имѣть смѣлости, чтобы писать такъ про царствующаго государя, да еще въ самомъ центрѣ Москвы; или уже въ самомъ дѣлѣ враги Димитрія были такъ увѣрены въ близкомъ его низверженіи.

---

Въ числѣ городовъ, гдѣ приводилось Немоевскому жить въ ссылкѣ, упоминается и Ростовъ. Въ этомъ городѣ тогда было около 400 домовъ и всѣ эти дома были съ черными избами. Церквей насчитывалось до 70 и только одна была каменная. Очевидно, Немоевскій говоритъ лишь о посадскихъ церквахъ, гдѣ дѣйствительно была одна каменная, построенная Грознымъ около 1566 г., но это конечно не касается ни кремля, ни двухъ монастырей, гдѣ сохранились церкви XIII и XVI вѣк.

Переводъ Записокъ Станислава Немоевскаго сдѣланъ, по нашей просьбѣ, подъ редакціей профессора Новороссійскаго университета Александра Александровича Кочубинскаго, за что и приносимъ ему глубочайшую благодарность.

**А. Титовъ.**

---